Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010

Pars II

Summaria acroasium in sectionibus

Piliscsaba, 2010

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Püspök
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN 978-963-88954-2-4 (Pars II.)

© Reguly Társaság, 2010

Каксин, Андрей
Ханты-Мансийск
НАКЛОНЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (МОДАЛЬНЫЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ)

Известно, что языковая модальность обычно подразделяется на объективную и субъективную, по каждой из этих разновидностей расписаны типичные средства разных языков, но основным средством в самых разных языках считается глагольное наклонение. Развивая положение о том, что модальность следует рассматривать как семантико-грамматическую категорию, мы считаем, что необходимо отдельно рассматривать наклонения модальные (индикатив и др.), эпистемологические (эвиденциалис и др.) и наклонения адмиративные ("наклонения удивления, изумления, восхищения").

В русской грамматической традиции эвиденциальность как языковая категория вплоть до последних десятилетий рассматривалась как составная часть модальности (это же относится и к миративности). За рубежом рассмотрение эвиденциальности и миративности, безотносительно к модальности, проводилось во многих случаях, особенно подробно – начиная с известной статьи Р.Якобсона (1957). Статьи "эвиденциальность" нет и в большом советском лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н.Ярцевой (1990). Там находим лишь упоминание о некоторых значениях, позже причисленных к эвиденциальным. В частности, согласно словарю, к сфере модальности следует относить разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности. Из средств выражения этой категории в словаре упомянуты только специальные модальные частицы, напр., для выражения неуверенности ('вроде'), недостоверности ('якобы').

Итак, анализ эпистемологических (в т.ч. связанных с пересказыванием) и адмиративных значений особенно актуален для тех языков, в которых для их выражения имеются специальные грамматические формы, и хантыйский язык относится как раз к их числу. С пересказыванием в нем связано выражаемое теми же формами значение адмиратива – удивления по поводу неожиданных для говорящего фактов. Поэтому в нашем сообщении эвиденциальность и адмиративность рассматриваются как отдельные от модальности категории.

Карпова, Людмила
Ижевск
УДМУРТСКО-БЕСЕРМЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Как известно, в языке соседних народов в большей или меньшей степени прослеживаются следы взаимных влияний. Наглядно демонстрируют это языки этносов, населяющих бассейн средней Чепцы в северной части Удмуртской Республики. Эта территория – исторически сложившийся полиэтнический ареал, в пределах которого наряду с удмуртами проживают бесермяне, русские, татары. Вследствие продолжительного контакта этих народов происходило и взаимодействие их языков. Язык удмуртов, проживающих в среднечепецком регионе, имеет специфические черты, отличающие его от других территориальных разновидностей удмуртского языка. Развитие ряда особенностей в

среднечепецком диалекте в определенной степени обусловлено влиянием языка бесермян – одного из этносов, проблемы этногенеза и этнической истории которых до настоящего времени дискутируются в научной литературе.

В языке бесермян и удмуртов среднечепецкого ареала обнаруживается ряд отдельных фактов взаимовлияния, относящихся к различным уровням. Бесермянский язык оказал значительное влияние на фонетические особенности среднечепецкого диалекта (напр., переход *ы* в *ъ*; озвончение этимологических глухих согласных перед согласным *в*, в интервокальном положении и в соседстве с сонорными; палатализация согласных; и др.). Проявление северноудмуртских черт в языке бесермян, в свою очередь, обнаруживается на морфологическом уровне (напр., показатель аккузатива множественного числа *-тъ/-дъ*; наличие вторичных приблизительноместных падежей на *н'* показатель элатива *-ъс'* и эгрессива *-ъс'эн*, суффикс причастия *-ъс'*; и др.). Что касается лексического яруса, наиболее подвижного и проницаемого уровня языковой системы, то здесь выявляется также большое количество удмуртско-бесермянских лексических соответствий (бесермянские лексемы – *ус'сэ* 'послезавтра', *ат'а ~ ака* 'старшая сестра; тетя' и т.д.; северноудмуртские диалектизмы – *пойаны* 'обмануть, провести', *алданы* 'терять, потерять' и др.).

Кестюш, Тибор
Готтинген

СЛАВЯНСКО-ВЕНГЕРСКИЕ КОНТАКТЫ В ЗАДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ В XI В. И ТОПОНИМ *OSZTOPÁN*

Автор рассматривает топоним *Osztopán* (область Шомодь), о происхождении которого мнения исследователей расходятся. Проанализировав данные археологии и истории венгерского языка, а также географическое положение поселка, он приходит к выводу, что топоним имеет южнославянское происхождение.

Кириллова, Людмила
Ижевск

УДМУРТСКАЯ КОСМОНИМИЯ

Удмуртская космонимия до сих пор не была предметом специального исследования, за исключением нескольких статей, хотя она является одним из своеобразных памятников духовной культуры удмуртского народа. Названия звездного неба ярко отражают путь познания Вселенной человеком, свидетельствуют о том, как люди в древности представляли картину мироздания, практически использовали звездное небо для ориентации во времени и в пространстве, для определения относительного или точного времени.

Ареал распространения тех или иных названий объектов звездного неба в настоящее время определить не всегда возможно из-за того, что трудно выявить удмуртские народные космонимы, поскольку они забыты. Не сохранились и легенды, в которых так или иначе объясняется происхождение звездных имен. Люди старшего поколения сейчас могут назвать не более трех-